

«Я - неровный режиссер»

Патриарх отечественного кино Петр ТОДОРОВСКИЙ — в беседе с корреспондентом «МН» Юрием ВАСИЛЬЕВЫМ

Что вспомню — расскажу. А вспоминать в мои годы трудно, — весело предупредил меня Петр Тодоровский перед началом разговора. — Попал я как-то в провинциальную больницу — в общую палату, а у окна лежал довольно злощастного вида дед: усы колючи во все стороны, лицо как яблоко печеное. Познакомились, спросил я его: «Батя, с чем лежишь?» Дед ответил матерком, обозначающим «а кто его знает?», и добавил: «Врачи подозревают скрылз костяных мозгов». У меня примерно то же самое, так что — не вздыхайте...

Впрочем, Петр Ефимович Тодоровский, празднующий в эти дни свое семидесятилетие, занят своей основной работой в усиленном режиме, невзирая на различные «скрылзы». Совсем недавно он представил на фестивалях в Москве и Выборге свою последнюю картину — «Жизнь забавами полна», о жизни российской коммуналки начала девяностых, и при этом уже второй год снимает фильм «В созвездии Быка»:

— Картина про мою юность, то есть про войну. Но, естественно, без войны.

— Почему «естественно»?

— Если вы помните мои военные фильмы, то заметили, что битвами я не увлекаюсь. Только в «Верности», в самом финале, герои мои куда-то бегут, кричат «ура», и что-то там взрывается. А история простая: про пастуха Ваню пятнадцати лет от роду, который смотрит за быками в деревушке близ Сталинграда.

— 42-й год, прифронтовая полоса?

— Совершенно верно. Кроме того, Ваня ухаживает за юной деревенской красоткой, которая предпочитает ему разбитного городского паренька: он из Ростова перед войной к тетке в деревню на побывку приехал, да так и застрял... А в деревню ночью приходит наш кавалерийский корпус, чтобы развернуться на позиции, и реквизирует все имеющееся сено. Чтобы не сдохла скотина, Ваня с этим городским едут в степь за кормом — и прямо в стог натываются на молодого немецкого солдата-дезертира... Дальше не скажу, а то смотреть будет неинтересно.

Снимали мы в Саратовской губернии, очень долго искали подходящую деревню — без света, без газа, без водопровода. Всю губернию обшарили — не нашли. Пришлось мне факс Дмитрию Аяцкову послать: «К вашей гордости и к нашему несчастью, искомой деревни мы не обрели». После чего губернатор сказал: «Стройте то, что вам нужно — а я помогу». Дал глину, сено, перевезли мы дома из Тверской губернии: три действующих, остальные декоративные. Сняли полфильма — окончилась зима. Как только снег ляжет, продолжим работать.

— Были сообщения о том, что вы собираетесь оставить кинематограф. «Утка» или?..

— Не дождетесь пока. Работа над «Созвездием Быка» предстоит тяжелая; так что хотя бы поэтому завязывать с кинематографом я не имею ни права, ни возможности. А в остальном — столько сюжетов крутится... У меня недавно даже диск вышел: моя музыка к нереализованным четырем сценариям.

Петр Тодоровский:
«Уйти из кино?
Не дождетесь»

— Чаплин — также писавший и сценарии, и музыку к своим фильмам — когда-то сказал, что к нему очень часто вначале приходит музыкальная тема, а потом появляется сюжет. У вас — та же последовательность?

— Чаплин и Феллини — два моих кумира, их портреты у меня дома висят. Но ко мне музыка приходит тогда, когда я пишу сценарий.

— Вы что-нибудь по музыке оканчивали?

— ВГИК, операторское отделение — как и по режиссуре, и по сценариям. Ни одной ноты не знаю, в этом смысле я тупой. Просто прет, выползает мелодия из гитары — честное слово, не специально. Началось это с «Военно-полевой романа»: я написал песенку-стилизацию в духе мелодий времен войны, напел на магнитофон и стал на съемочной площадке крутить ее — артистам для настроения. Ну и прижилась песенка настолько, что в фильм вошла. Я ведь из армии единственный трофей привез — аккордеон замечательный, сорокдвятибасовый. Мне его ординарец удружил — ввалился и говорит: «А я вам гармошку нашел». Две недели помучился, зато потом первым парнем на войне был: легко мне эта наука далась.

— Сценарии пишутся столь же непринужденно?

— Вот уж если бы! Иногда сидишь, пишешь, бродишь вокруг стола, а куда двигать действие дальше — не знаешь. «Военно-полевой роман» два месяца у меня так пролежал, в тупике сюжетном — пока я не придумал героя Проскурина, председателя райисполкома. А иногда бывает, что просто единым дыханием идет.

— Судя по всему, допустим, «Анкор, еще анкор!» писался таким образом?

— Да, на «Анкор» у меня обширный нулевой цикл был — все из жизни, все гарнизоны эти послевоенные. После Германии я жил со своей частью между Костромой и Ярославлем в знаменитых Песочных лагерях. Там во время войны новобранцев готовили: десять дней, винтовку в зубы — и на фронт! Когда мы туда приехали, разумеется, от казарм одни воспоминания остались: окон-дверей нет, крыши разобраны — сами все восстанавливали. Ну и жизнь шла соответствующая, коммунальная. Придумано для фильма много, но основа — из собственного опыта. Там даже некоторые фамилии остались — как и в «Верности» моей. Друг мой фронтовой как-то заметил: «А если эти люди еще живы?»

— И что вы ответили?

— Ответил, как есть: «Не смог от них, реальных, освободиться. А давать им другие имена — не получается».

— Какой фильм вам дался тяжелее всего?

— «В созвездии Быка», разумеется: можете записать в качестве анонса. А из снятых — производственно тяжело шел «Военно-полевой роман». Снимать в восемьдесят третьем году сорок девятый — у ЦУМа и Малого театра, когда люди ходят мимо совсем в другой одежде, — это не дай Бог! И денег крайне мало на фильм дали: достаточно сказать, что рельсы для съемки мы носили на руках.

— Вы уже сняли всех актеров из тех, кого хотели?

— Если буду, дай Бог, еще снимать — то не всех. Максима Суханова, например, хочу снять. Очень с молодыми работать люблю: с ними себя не таким старым чувствуешь. Сделал в «Жизнь забавами полна» замечательное открытие — Нелли Неведина, обратите на нее внимание. А вообще каждая картина у меня идет с чистого листа. Чувствуешь себя перед каждым фильмом, как подготовишка: мандраж жуткий.

— Вас не расстроило, что о вашем крайнем фильме говорят так мало?

— Ничуть. Я предполагал, что к картине будет такое отношение.

— Почему?

— Это же «папино» кино.

— В смысле — кино отца Валерия Тодоровского?

— Скажу точнее — «дедушкино» кино, на успех коммерческий не рассчитанное. Но мне нужно было это кино снять: оно слишком давно во мне сидело, и я от него должен был освободиться. Каналу ОРТ фильм понравился, они его закупают для своих показов. А прокат — кто смотрит наше кино в кинотеатре? Немногие, и только новую волну: Рогожкина, Месхиева, Валерия того же или Балабанова.

— Вам Балабанов близок?

— Видел я «Брата-2»: сделан хорошо, но не цепляет. Меня вообще мало что в последнее время цепляет, а без собственного сопереживания трудно кино смотреть. «Блокпост» Рогожкина очень люблю и Сергея Овчарова, с остальными труднее. Но сейчас правит бал это поколение — с совсем другими движениями камеры, мизансценами: так уже дедушка не снимет... Или даже следующее, вроде Егора Михалкова-Кончаловского.

— Егору примерно столько же, сколько вашему сыну.

— Да? Ну значит, он тоже с поздним зажиганием, как и я: мой первый фильм — в сорок лет. Я ведь неровный режиссер: что-то выходит получше, что-то — похуже. Начинать с добрых картин — считал, что у нас в стране большой дефицит доброты: «Верность», «Город-

кой роман», «Фокусник»... А потом вдруг отошел от того, что знаю сам, и влез в другое, не мое поколение — проще говоря, снял «Интердевочку».

— Что вас в этом сюжете привлекло? Ведь роман Кунина на большую литературу едва ли похож.

— Согласен. У Кунина вся драматургия строится на том, что девушка хочет уехать, а мама с папой и государство не пускает. Однако про то, как человек, попавший туда, потом хочет вернуться — хоть туристом или еще как-нибудь, — в книге ни слова. А ведь хотели: выходили на Запад замуж, но детей не рожали, сидели в той же Швеции с чемоданным настроением... Но мне захотелось попробовать себя в незнакомом материале. И потом, ко мне же водили на беседы девушек-проституток: интересно было узнать, что они по семь тысяч зарабатывали в неделю при твоей режиссерской зарплате триста в месяц. И приятно было видеть, конечно, когда на твой фильм у касс стоят очереди: естественно, понимаешь, что больше людей волнует тема, доселе невиданная — но все-таки...

— Вы бы сейчас сняли что-нибудь подобное?

— Нет. Это был своего рода зигзаг в моем творчестве: сделал его — и вернулся обратно, к своим темам.

— Вам сейчас легче или труднее работать, чем в Советском Союзе?

— Сейчас мне просто хорошо: человеком себя почувствовал. Идешь по улице — и тебе товары предлагают, а не ты за ними мечешься. Жалко, что все положительное в этой жизни только начинается: страну обворовали, убийства вокруг, кино едва из пропасти вылезает — но ведь Америка тоже пережила что-то подобное в 20-е годы. Нравится мне, что говорить можно почти все — и снимать почти все: за тот же «Анкор» меня бы в Советском Союзе просто расстреляли. И маразма цензурного сейчас нет — что тоже радует. Когда после съемок «Городского романа» кинематографическое начальство требовало от меня прекратить пропаганду внебрачных связей в советском кинематографе — «ну как это так, героиня сама приходит к своему любовнику, и они спят без брака!». Я спрашиваю: «А что делать?» — а мне говорили: «Пусть герой Киндинова, увидев героиню, скажет ей: «Входи, жена!» — и закроет за ней дверь. Так будет морально».

— Что-то не припомню подобных слов в окончательном варианте...

— Маразм, пусть и цензурный, имеет свойство рассасываться. Особенно если ему помочь... Нынешние маразмы тоже рассосутся: и Валера, и вы, и ваши дети увидите совсем нормальную жизнь. А мы, дедушки, вам поможем — если позволите.

157